

ГЛОБАЛИСТСКИЙ И РЕГИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРСЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Козлов С.Д. Email: Kozlov17121@scientifictext.ru

*Козлов Сергей Дмитриевич – доктор политических наук, профессор,
кафедра регионального и муниципального управления,
факультет государственного управления,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

Аннотация: рассматривается позитивный социально-экономический эффект глобализации и регионализации, локализации и глокализации. Одновременно анализируются проблемные аспекты этих процессов. Автором критически оцениваются попытки трактовать регионализм как идеологию сепаратизма. Приводятся данные исследований, опровергающих подобную позицию. В статье к рассмотрению предлагаются факты, свидетельствующие о тенденциозном характере некоторых исследований и опасности применения подобных подходов в условиях регионального многообразия субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, локализация, глокализация, глобализм, регионализм, сепаратизм, дискурс.

GLOBALIST AND REGIONALIST DISCOURSES IN ECONOMIC AND SOCIO- POLITICAL PRACTICE

Kozlov S.D.

*Kozlov Sergei Dmitrievich - PhD, Professor,
DEPARTMENT OF REGIONAL AND MUNICIPAL MANAGEMENT,
FACULTY OF STATE ADMINISTRATION,
MOSCOW STATE UNIVERSITY NAMED AFTER M.V. LOMONOSOV, MOSCOW*

Abstract: the positive social and economic effect of globalization and regionalization, localization and glocalization is considered. At the same time, problematic aspects of these processes are analyzed. The author critically assesses attempts to interpret regionalism as an ideology of separatism. Data of studies refuting such a position are presented. The article examines the facts testifying to the tendentious nature of some studies and the danger of using such approaches in the conditions of regional diversity of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: globalization, regionalization, localization, glocalization, globalism, regionalism, separatism, discourse.

УДК 32.019.5

Особый интерес с точки зрения рассмотрения взаимовлияния процессов глобализации и регионализации представляет опыт Европейского Союза, где естественный процесс интеграции экономик соседних стран, расширения процессов передвижения рабочей силы и капиталов, был ускорен за счет усилий сформированных в ЕС наднациональных структур по конвергенции экономик путем введения единой валюты, гармонизации правил и стандартов, и ряда других действий. В докладе Комиссии Европейского Сообщества (1996) отмечалось: «Интеграция и многообразие не являются противоречиями друг другу целями, но могут взаимно поддерживать друг друга» [1, с. 16].

Для понимания процессов, происходивших в Евросоюзе, необходимо уточнить некоторые базовые термины, применявшиеся для их обозначения. Отчет Еврокомиссии 1996 года назывался “First Report on Economic and Social Cohesion”, где «интеграция, интеграционный процесс» (по версии переводчиков) обозначен термином «Cohesion», чаще переводимом как «сплоченность, сцепление, связь, связность...». Уже 20 лет назад речь в этом важнейшем документе ЕС шла исключительно о взаимодействии, укреплении связей, сплоченности и т.д. Очевидно, что никакого сверхглубокого взаимопроникновения, характерного для интеграции, и не предусматривалось. Есть основания полагать, что при переводах на русский термин, обозначавший сплоченность и взаимосвязь, трансформировался в «интеграцию-объединение, укрупнение, слияние», который не совсем точно отражает реальные планы и процессы взаимодействия в ЕС. Легкость, с какой Великобритания, «пошла на выход» из ЕС, тому яркое подтверждение.

Исходя из такого подхода становится понятно, почему на фоне формирования единой финансовой политики, валюты и гармонизации стандартов стран ЕС, одновременно разворачивается беспрецедентный по масштабам процесс децентрализации и превращения континента в «Европу регионов»: возможности отдельных территорий в сфере производства товаров и оказания услуг,

имеющие определенную местную идентификацию, оказались, благодаря этому, более востребованы европейскими потребителями. Вместо узкого локального рынка перед региональными производителями открылись возможности освоения пространства всего Европейского Союза, хотя одновременно, естественно, выросла и конкуренция.

Появление положительного эффекта от взаимодействия процессов глобализации и регионализации в экономической сфере (глокализации) носит далеко не обязательный характер. Несбалансированность указанных процессов может создавать предпосылки для роста напряженности в других сферах общественной жизни. Процессы глобализации нередко наиболее сильный удар наносят по территориям, где процесс глокализации носил глубинный синергетический характер. Это в полной мере относится к финансовой сфере Нью-Йорка, где в последнее десятилетие в результате оптимизации деятельности многих ведущих банков на улице оказались десятки тысяч высокооплачиваемых специалистов, сформировавших мощное протестное движение. Попытки обособить свои региональные экономики от негативных глобальных процессов нашли отражение в попытках самопровозглашения независимости Каталонии и выхода Шотландии от объединенного королевства. При этом нельзя не отметить, что речь не идет о монофакторном процессе, поскольку указанные территории обладают значимыми культурными особенностями, включая язык, и имеют исторический опыт автономного развития.

Обращая внимание на проблемы процессов глобализации и регионализации, следует подчеркнуть, что глобализация создала абсолютно новые возможности развития совместных региональных проектов соседних стран и их административных единиц. Если в недалеком историческом прошлом крупные державы шли по пути оказания помощи союзникам и политически дружественным государствам, нередко просто покупая их лояльность, то с 90-х начинает преобладать (при частичном сохранении практики прошлых лет) процесс совместного решения наиболее острых социально-экономических региональных проблем. Это хорошо видно на примере примыкающих к Балтийскому морю стран ЕС, их административных единиц, и областей РФ. Попытки не видеть позитивные стороны этого процесса так же опасны, как и преувеличение его негативных сторон.

Так, Калининградская область РФ, будучи включена в Балтийский регион, с середины 90-х годов становится участником многочисленных совместных проектов РФ и ЕС. В 1994 году формируется первый пакет проектов программы TACIS, включавших техническую поддержку рыбопромышленного комплекса, программу энергообеспечения, создание Центра поддержки постприватизационной поддержки акционированных предприятий, содействие развитию транспортной системы области, развитие потенциала КГУ и поддержку региона в контексте ОЭЗ. Эта работа стала существенным подспорьем в работе по обоснованию федерального закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», утвержденного Государственной Думой ФС РФ в ноябре 1995 года. Общие же затраты на реализацию проектов TACIS составили к концу 1998 года около 15 млн ЭКЮ.

В 2001 году начинается работа над четырьмя новыми проектами с объемом финансирования в 16 млн евро. Они уже включали создание Агентства регионального развития, модернизацию пограничных переходов, развитие Калининградского порта, улучшение здравоохранения на Северо-Западе. Вскоре стартовали и другие проекты в рамках трансграничной кооперации в сфере экологии, медицины, образования, поддержки малого и среднего бизнеса, ЖКХ, сотрудничества породненных городов. Охвачены оказались практически все наиболее актуальные проблемы развития Калининградской области, а сама территория в 2001 году на всех уровнях государственного управления была признана «Регионом сотрудничества», как российского, так и международного значения. Подготовленная техническая документация и налаженная кооперация с иностранными компаниями позволила инициировать инвестиционный процесс на базовых направлениях регионального развития [2, с. 4-20].

Следует, однако, отметить, что наряду с позитивными процессами влияния глобализации на развитие регионов, в том числе единственного российского эксклава, в процессах регионализации, инициированных глобализацией, проявились и некоторые спорные моменты, связанные, например, с деятельностью на территории субъектов федерации Института «Открытое общество», известного как Фонд Сороса. **Финансируемые им проекты оказались направлены на развитие организационной и содержательной сторон деятельности структур, входящих в систему власти, которая многими политологами, включая автора, трактуется как контроль над ресурсами, конечным продуктом и сознанием людей.**

Неслучайно, в 1998 году грант Института «Открытое общество» получила независимая телерадиокомпания «Каскад». В этом же году в пяти регионах РФ, в том числе Калининградская область, началось за счет средств западного миллиардера финансирование пилотного проекта в сфере обороны «Социальная адаптация кадровых военнослужащих, уволенных в запас или отставку». Для военных Соросом создается бизнес-инкубатор в Калининграде, разворачивается прямое сотрудничество Фонда Сороса с Балтийским флотом, а в октябре 1999 года уже сам Сорос был принят его командующим. Одновременно, Институт «Открытое общество» осуществляет свой крупнейший в России проект «Университетские Центры Интернет в 33 региональных классических университетах» (включая КГУ), на

который выделяет 100 млн. долларов. Размер софинансирования данного проекта российским Правительством составил только 30% [2, с. 21-22], что позволило Институту «Открытое общество» обеспечить фактический перехват управления процессом внедрения Интернета в образовательной сфере России.

Рассматривая **регионализацию как инициированный глобализацией процесс**, имеющий свои положительные и отрицательные стороны, полагал бы необходимым провести четкие границы допустимости интернационализации региональных процессов, особенно при использовании внешних финансовых источников. Не вызывают сомнения поиски в сфере экономической кооперации, направленной на развитие производства товаров и услуг, особенно, когда речь идет о создании новых инновационных продуктов и расширении рынков сбыта. Тем более, что в ряде случаев имеет место процесс синергии, дающий быстрый и зримый эффект для всех участников проекта. В культурной сфере, в спорте, туризме и т.д., безусловно, возможны интересные трансграничные решения: культурный обмен, разработка совместных туристических маршрутов, проведение чемпионатов Европы и мира.

Однако, следует признать недопустимым финансирование и софинансирование действий, позволяющих внешним силам поставить под контроль значимый, с точки зрения управления страной, потенциал: ресурсы (от нефти, газа, редких металлов до водных ресурсов, зерна и т.д.), конечные продукты (от продуктов питания до боевой техники, ядерных и космических технологий) и, конечно, сознание людей (СМИ, Интернет, сфера образования). **Надо приостановить использование не прошедших профессиональную, в том числе государственную, экспертизу разнообразных форм сотрудничества, таких в частности, как осуществляли Сорос и его фонд. Любые попытки, позволяющие обеспечить контроль над указанными выше элементами власти, кем бы они не инициировались, следует рассматривать как стремление к неконституционному захвату власти и антигосударственную деятельность. Недопустимо бюджетное софинансирование подобного сотрудничества, тем самым его легитимизирующего.**

Наряду с рассмотрением позитивного взаимодействия процессов глобализации и регионализации в экономике, стимулирующих региональное развитие, особого внимания заслуживают имеющиеся в социально-экономической сфере проблемы. По мнению Уэйн Элвуд эти проблемы в обобщенном виде можно сформулировать следующим образом: «Мировая экономика балансирует на краю пропасти, разрыв между богатыми и бедными все растет, реальная власть распределяется среди очень небольшого числа людей, местные культуры гомогенизируются, биоразнообразие разрушается, межрегиональные напряжения растут, а окружающая среда на грани катастрофы. Вот такое лицо у современной глобализации-её потенциал для реального прогресса человечества практически не задействуется» [3, с. 13].

Международные и российские исследования 90-х-2000-х годов среди проблем глобализации на первый план выдвигают растущее неравенство, как внутри стран, так и между ними. По оценкам ООН неравенство растет в странах, где проживает более 80% мирового населения. Причем, часто это вопрос жизни и смерти, поскольку шансов умереть в бедных семьях в несколько раз больше, чем в богатых. Исследования, проводимые ООН в странах ОЭСР в разные годы, показали рост неравенства доходов: например, темпы роста доходов самых богатых (1%) в США многократно обгоняют доходы 10% беднейших семей. Неравенство в доходах продолжало расти и в быстро развивающихся странах Азии, таких как Китай, Индонезия, Таиланд. Одновременно происходило и перераспределение национальных богатств. В Китае, например, уже в 2005 году четверть миллиона долларовых миллионеров (менее 0,4% населения) обладали 70% богатства страны.

Как считает Уэйн Элвуд: «Это движение богатства и доходов от «низов» к «верхам» - важная часть глобализационной логики. Чтобы стать «конкурентоспособными», государства вводят политику снижения налогов и предпочтения доходов зарплатам. Экономическая аргументация проста: положив больше денег в карманы корпораций и отдельных богатых людей (которым снижение налогов наиболее выгодно: чем больше доходов, тем больше остается прибыли), вы получите больше инвестиций и рабочих мест... К сожалению, нет никаких доказательств того, что после снижения налогов для богачей или зарплат для простых людей качество жизни улучшается. Если бы дело обстояло наоборот и ставки налогов снизили бы для тех, кто находится в нижней части доходной иерархии, возможно, это и возымело бы действие. Сэкономленные деньги точно тратились бы на товары первой необходимости, а не на предметы роскоши» [3, с. 161-162].

На что расходуются капиталы ТНК, их владельцев и управляющих? Вне зависимости от стран - США или Россия - часть богатств уходит в предметы роскоши (машины, яхты, самолеты, драгоценности, недвижимость, произведения искусства). Большая часть денег поступает на фондовые рынки мира. Излишки денег - «стратегический запас на черный день» переводятся в десятки офшорных зон, где владельцы бизнеса и управленческая элита могут вполне законно избегать любых социальных обязательств по отношению к стране, в которой эти деньги были заработаны. А вся реальная налоговая нагрузка в таких странах, как Россия, ложится на плечи тружеников, которых государство обирает прямо

у источника, как говорится, «не отходя от кассы». При этом социальное неравенство внутри страны только растет, лишая значительную часть населения перспектив вырваться за пределы бедности.

Один из ведущих специалистов в мире по неравенству Бранко Миланович в исследовании 2016 года отмечает, что «огромное неравенство доходов, возникшее после падения коммунистического режима в России, несколько снизилось за последние 10 лет, но концентрация во владении активами остается столь высокой, что по показателю неравенства богатства Россия входит в тройку или пятерку самых неравных стран мира. Весьма вероятно, что концентрация богатства в современной России выше, чем сто лет назад, до начала Первой мировой войны» [4, с. 9].

Концентрация богатства в России является тревожным сигналом о серьезных проблемах с формированием среднего класса, от размера которого зависит стабильность в обществе. С точки зрения Милановича повышение роли представителей среднего класса в преодолении неравенства в России происходит «не потому, что человек становится «добродетельным демократом», получив «средний», достаточный уровень дохода, а потому, что средний класс стремится защитить права собственности от экспроприации бедными и право принимать политические решения от богатых, которые могут «покупать» политическое влияние» [4, с. 10].

Из вышесказанного в отношении России можно сделать принципиальный вывод о необходимости быстрого решения двух взаимосвязанных задач: ускорении экономического роста страны в целом и укреплении в ней среднего класса. Это тем более важно, что, по мнению Милановича, существует значимый геоэкономический и геополитический фактор, связанный с расположением России между Европой и Азией. В условиях стабильного экономического роста этих зон РФ окажется между двумя богатейшими и наиболее динамичными частями мировой экономики, расположившимися на обоих концах Евразийского материка [4, с. 9]. Сохранение более низких доходов по сравнению с западными и восточными соседями чревато значимыми социальными и политическими издержками, способными перейти в более острые конфронтационные формы.

В числе проблем глобализации и регионализации, глобализма и регионализма особого внимания заслуживает вопрос об упрощенной, претенциозной трактовке последних с идеологической точки зрения. Как было показано выше, в экономической сфере глобализм и регионализм дополняют друг друга, создавая предпосылки для более гармоничного развития мировой экономике в отраслевом и территориальном разрезах. Попытки рассмотрения регионализма в отрыве от экономических процессов, исключительно как политической идеологии, приводят к довольно тенденциозному выводу: «Регионализм-это также один из видов современной идеологии глобализма» [5, с. 10].

Опасность подобных трактовок заключается в том, что даже такая традиционная форма административного устройства страны, как регион, противопоставляется государству [5, с. 20]. Более того, безосновательно делается вывод о том, что «идеология регионализма обосновывает и оправдывает политическое раскрепощение идеи региона, мировую регионализацию, восстание регионов, повсеместное развитие регионалистских движений. Регионализм-это идеология и набор практик, ведущих к укреплению региона в ущерб суверенитету государства» [5, с. 32]. Подобные выводы, тиражируемые при поддержке госучреждений, опасны тем, что под ярлык «глобалиста-регионалиста» загоняется любая инициатива граждан на уровне региона, любое неординарное предложение, нацеленное на решение местных проблем. **Фактически наносится удар по важному для миллионов представлению о регионе как о Малой Родине - особом объекте любви и заботы, основе формирования русского патриотизма.** Одновременно насаждается примитивная унификация в стиле известного анекдота: «Если Вы такие умные, то почему не ходите строем».

Объектом особо жесткой критики и идеологического наступления сегодня становится Калининградская область, её население и особенно интеллигенция. Безосновательно рассматривая регионализм как политическое, сепаратистское движение, «борец с регионализмом» предпринимает попытку, опираясь на популярные ныне дискурсивные практики, обосновать наличие у калининградцев особой, отличной от общероссийской, региональной идентичности. По мнению В. Щипкова, «оторванность от остальных российских регионов, большое количество знаков и символов немецкого наследия, чувство местного патриотизма постепенно формируют среди жителей Калининграда спрос на причисление себя к особой региональной идентичности, которая в их глазах, значительно отличается от общероссийской» [5, с. 133].

Более того, даже антитоталитаризм части населения, не желающих видеть имя Калинина в названии города, трактуется как стремление к возврату немецкого названия города. А предложение Президента России В.В. Путина, активно поддержавшего калининградцев в создании регионального бренда, связанного с именем выдающегося мирового философа Иммануила Канта, рассматривается с позиции стремления к обособлению от России и особой самоидентификации жителей региона. Отталкиваясь от проводимых в БФУ имени И. Канта «Кантовских чтений» и университетских публикаций, посвященных

исследованию творчества Канта, указанный выше исследователь находит в этом корни калининградского «европеизма» и договаривается до «обожествления» в регионе фигуры великого ученого.

Нагромождая разного рода события и явления местной жизни, истолковывая их тенденциозно, как, например, нежелание калининградцев устанавливать богиню Ники на памятной колонне на площади Победы (аналогично стеле в Москве), хотя все местные жители знают, что это связано с наличием на площади главной духовной доминанты региона-Храма Христа Спасителя, «исследователь» продолжает искусственно «вырывать» жителей области из неоспоримо единого духовного пространства России, фактически противопоставляя их остальным гражданам государства. Продолжая подобные изыскания в области лингвистики и семантики, тенденциозно трактуя особенности общественной жизни Калининградской области, Василий Щипков приходит к выводу, «что культурный и ценностный ландшафт Калининградской области под воздействием регионализма не только выстраивается параллельно общероссийскому, но и зачастую противостоит ему, вследствие чего приобретает выраженные центробежные черты» [5, с. 166].

Дальше - больше: «Желание быть одновременно с Европой и Россией вынуждает местную интеллигенцию изображать слугу двух господ. Это приводит к тому, что жители региона оказываются в ситуации, когда им навязывается новая многосоставная идентификация» [5, с. 167]. Из ошибочного посыла делаются далеко идущие выводы, похожие на клеймо, граничащее с оскорблением патриотически настроенного местного сообщества: «Сегодня калининградцы-это и россияне, и европейцы, и герои, освободившие Европу от фашизма, и наследники советского государства, «оккупировавших» эту Европу. Но если для меньшинства такое мировоззренческое балансирование-это способ существования, то для большинства жителей области-опасность развития культурно-исторической шизофрении» [5, с. 167]. Погружаясь в мир собственных представлений о россиянах, живущих в Калининградской области, Щипков договаривается до неизбежности «калининградских «майданов», на которых будут звучать призывы выйти из РФ и требования ассоциации с ЕС» [5, с. 173-174]. Тем самым в монографическом издании автор фактически выступает в качестве «поджигателя» антикалининградских настроений, провоцируя обеспокоенность граждан России несуществующими в регионе процессами, которая, в свою очередь, может оказать негативное влияние на принятие на федеральном уровне политических и экономических решений, связанных с областью, провоцируя уже реальный сепаратизм, против которого якобы и выступает автор. Как показывают многочисленные исследования, среди которых значимое место занимает монография профессоров Клемешева А.П. (ректор БФУ имени И. Канта), Козлова С.Д., Федорова Г.М. «Особая территория России», опубликованная в 2003 году издательством Калининградского университета, ныне БФУ имени И. Канта, в Калининградской области имеет место **«превалирование «российской» идентичности над локальной и её довольно высокая значимость»** [6, с. 197]. Вывод подтвержден богатым исследовательским материалом и подкреплен другими публикациями указанного выше авторского коллектива [7-8].

Необходимо обратить внимание на то, что попытки трактовать регионализм как сепаратизм активно, поддерживаются многими политиками с радикальными взглядами, делающих пугалами всех, кто переживает за судьбы своей Малой Родины, из которых складывается Великая Россия. В статье «Не Россия. Регионализм и элита», опубликованной 19 февраля 2017 года в интернет-издании «Русский коммунист» на основе умозрительных, голословных заключений автор статьи обвиняет регионализм во всех смертных грехах, таких как борьба с центральной госвластью, поддержка децентрализации и сепаратизм [9]. Подобные действия, связанные с навешиванием политических ярлыков на настоящих патриотов, ищущих пути эффективного развития страны, и даже на население целых регионов, как это происходит с Калининградской областью, сеют недоверие между жителями субъектов федерации, что крайне опасно в многонациональной стране. **Следует жестко пресекать такие попытки на уровне Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ, Правительства РФ и научной общественности, особенно, когда речь идет о государственной поддержке и бюджетном финансировании изданий, публикующих разобщающие население регионов России идеи.**

В условиях глобализации все усилия органов государственной власти и управления должны быть направлены на развитие и мобилизацию региональных возможностей в интересах населения всей страны, а сама регионализация должна выступать, как это происходит в экономике, дополнительным ресурсом духовного и культурного роста граждан различных регионов и их сближения. Стремление к недопущению роста сепаратистских настроений следует строить на основе развития межрегионального сотрудничества, укрепления взаимопонимания и кооперации жителей, а не на базе противопоставления регионов и их населения друг другу, исходя из реальных и вымышленных различий.

Назрела необходимость организовать с привлечением известных специалистов и ученых всестороннее, объективное и независимое исследование социально-политических процессов в Калининградской области, включая самоидентификацию калининградцев. Особое внимание целесообразно обратить на анализ эффективности влияния решений федеральных органов власти

на развитие единственного российского эксклава. В целом же в исследованиях процессов глобализации и регионализации и научно-практических рекомендациях важно опираться на те особенности развития, которые не разобщают, а объединяют жителей разных регионов и стран.

Список литературы / References

1. *Котлер Филипп, Асплунд Кристер, Рейн Ирвинг, Хайдер Дональд*. Маркетинг Мест. Санкт-Петербург. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с.
2. Регион сотрудничества. Вып.10. Международные программы и проекты в Калининградской области / Ю.М. Зверев, С.Д. Козлов, А.П. Клемешев, Г.М. Федоров, А.П. Хлопецкий. Калининград. Изд-во КГУ, 2001. 32 с.
3. *Элвуд У.* Глобализация / Пер. с англ. А. Захарова. Москва, Книжный Клуб Книговек, 2013. 208 с.
4. *Миланович Б.* Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации/перевод с англ. Л. Шестакова. Москва. Изд-во Института Гайдара, 2017. 336 с.
5. *Щипков В.А.* Регионализм как идеология глобализма: монография. Москва, МГИМО-Университет, 2017. 188 с.
6. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Особая территория России: Монография. Калининград. Издательство КГУ, 2003. 360 с.
7. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Условия реализации стратегии «Региона сотрудничества» // Регион сотрудничества. Вып. 3 (21). Калининград, Издательство КГУ, 2003. 36 с.
8. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Социальная ориентация региональной стратегии для Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 12 (37). Калининград, Издательство КГУ, 2004. 72 с.
9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscom.livejournal.com/895777.html/> (дата обращения: 12.01.2018).